

Территория Творчества

Небо в розовых тонах

Девять Жизней

Валентина Спирина

**Небо в розовых тонах.
Девять Жизней**

«Издательские решения»

Спирина В.

Небо в розовых тонах. Девять Жизней / В. Спирина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966184-5

Вся самая вкусная, интересная, захватывающая проза и поэзия наступившей весны — лучшие произведения от ведущих авторов Территории Творчества, на самый взыскательный вкус. Полюбившиеся уже имена, знакомые вам с самых первых выпусков, и новые авторы нашего проекта (но не новички в писательском мире) — это всё ожидает вас на страницах нового сборника «Небо в розовых тонах. Девять Жизней».

ISBN 978-5-44-966184-5

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Территория Творчества	6
Вот и март	7
Ангелы и бесы	8
Раздеваюсь	9
Я давно тебе не писала	10
Стирая грань непониманий	11
Представь, что ты один	12
Рада	13
Два часа	21
Обман	22
Под синим небом	23
Финал... И занавеса нет	25
Лёха-рыбак	26
Мы открыли сезон качелей	28
Там, за горбатостью пять через два	29
В библиотеках	30
Разбудите, пожалуйста, ночью	31
Прошу прочти мои стихи	32
Я от любви твоей продрог	33
Положи в бардачок	34
Грачи прилетели – гимн русской природе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Небо в розовых тонах Девять Жизней

Составитель Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

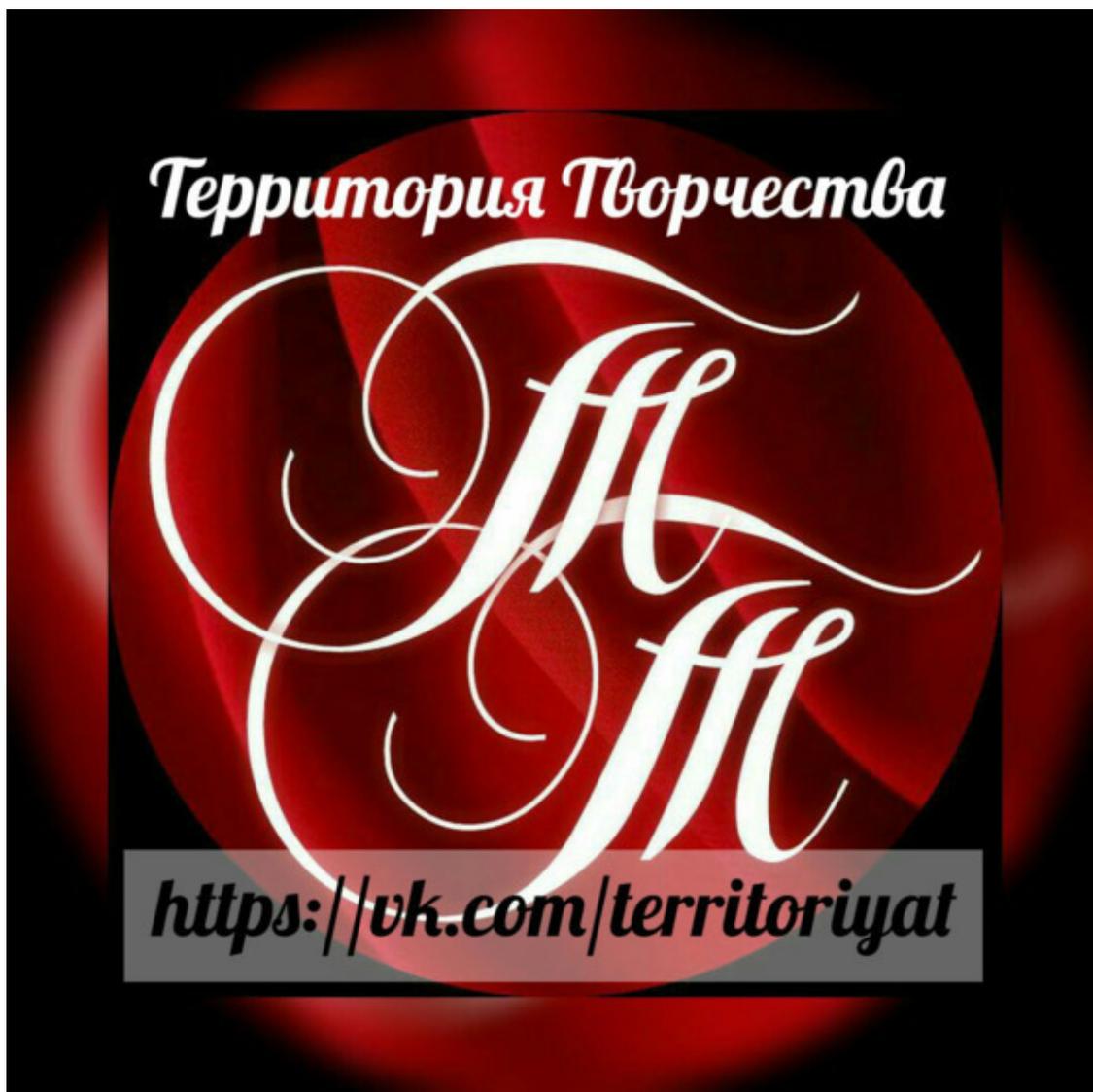
Художник обложки Мельниченко Дарья

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6184-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Территория Творчества

Все произведения и фотографии в сборнике публикуются с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Материалы для обложки взяты с сайта pixabay.com

Отдельная благодарность маленькой, но очень талантливой художнице Дарье Мельниченко за рисунок для обложки.

Вот и март

Светлана Сапронова

Вот и март. Снова ночь. Невозможно заснуть.
Размочаленных нервов колеблется лодка.
Натянув, как резину, сезонную муть
Рвут хвостатые злыдни бездонную глотку.

Третий час, и с бессонницей снова «на ты»,
А беруши куда-то исчезли некстати.
Вновь по улицам сонным гуляют коты,
Раздавая мяуканье всем, кто в кровати.

Ангелы и бесы Светлана Королева

Ангелы и бесы дружат в нас,
Балансируя
То нежной добротой, то необузданным гневом,
То лёгкими минутами, а то разнузданной тоской подчас,
И в зеркале души: то летнее дыхание, то – порванные в клочья
нервы.

Ангелы и бесы – сильные соперники,
Но союзники также,
Сила их в объединении, в единстве, человеческой
многогранности.
Как латынь с немецким – в авторских трудах Коперника,
Как стабильность стали-мастерства, слитая с золотом-
спонтанности.

Ангелы и бесы в нас не делятся
На рай и ад.
Им комфортно – в мире целостном-тебе. Канатоходцем
и верёвкой.
От того – ты то нещадно беден смыслом, то воистину
воскреснувши – богат,
От того ты – то тяжёлым камнем вниз, а то ввысь крылатой фразой
лёгкой.

Ангелы и бесы – это ты.

Раздеваюсь Валентина Иванова

Раздеваюсь. Медленно-медленно снимаю с себя стихи-кожу. А ты готов к такому?

С пальцев перчатки-отпечатки сползают. Вне зоны идентификации.

Казалось бы – ну кому и зачем нужна моя вот эта душевная дефлорация.

И что она может дать ещё воображению моему – лишь тобой – больному.

Падаю. Обнаженная до аорты сердца, до трахеи, до боли – от крика – в горле.

И ползу – стихотворного мяса кусок – тебе не страшно?

Но сегодня именно так, такими словами жесткими, но для меня важными.

А ты попробуй дослушать, ибо правду всю – какая есть – можно сказать лишь, когда разум в коме.

Остановилась. Под словами-плетью застыну, как каменное изваяние.

Твоё «не люблю» ляжет шрамами – до костей – глубокими.

И буду скулить от боли, словно собака побитая зеленоокая.

Лучше промолчи, ибо молчание твоё, лучом надежды хрупкой станет мне.

Неправда! Всё не так! Стихи для меня и броня, и кожа, и спасение. Даже если не любишь и не любил – всё-равно – спасибо. Я за двоих счастлива.

Свою индульгенцию на любовь я на тебя потратила и музой теперь обласкана.

А тебе, любимый, спасибо за то, что ты есть – пусть не мой. И за твоё терпение.

Я давно тебе не писала Валентина Иванова

Я давно тебе не писала стихов, несколько дней – это очень много... Но что бы я не начала писать, всё будет про любовь, даже если стихи будут про дорогу.

Даже если стихи будут про дождь, я скажу, что это мои слезинки. Ты, наверняка, не совсем такое ждешь, и тебе хотелось бы, чтобы я сменила пластинку.

Сменила пластинку и включила бы режим природы, шум моря и звездный шепот добавила.

А у меня на сердце одна погода – сезон засухи по тебе и без тебя – одиночества марево.

Без тебя – одиночества марево или зима под весенним солнцем. Без тебя я словно сердце на паузу поставила, ибо без тебя оно не поет, не бьется.

Без тебя и стихи не звучат в душе, не поют про любовь – скрипят убого.

Я давно не писала тебе стихов... Несколько дней... Это слишком много.

Стирая грань непониманий Андрей Егоров

Стирая грань непониманий
ЧУЖОЙ, в обители Земли...
СРЕДИ изломанных скитаний
СВОИХ находишь на пути...

И нервы сжаты под прицелом
Горящих взоров за спиной
Сжигаешь мысли в пепел белый
И понимаешь, что Чужой...

В пыли несущихся столетий
Бессмертен стих, послание иных...
Потомкам тех, кто не заметил,
Что ты... Чужой, среди Своих...

© 15.03.2019

Представь, что ты один Валентина Иванова

Представь, что ты один на вершине холодной горы.
Нет ни меня, ни стихов моих, ни других источников тепла и света.
И дикий озноб бьет, несмотря на жаркую середину лета.
Ты стоишь – руки к небу подняв и в звезды целятся вековые сосны-
стволы.

А ты не молчи. Крикни. Позови меня. И я обязательно приду.
Через тысячи верст прилечу, обернувшись птицей.
Я не Феникс, но ради тебя я из пепла смогу возродиться.
И услышу тебя всегда, даже если буду лежать в горячем бреду.

На минуту представь, что один среди бескрайних антарктических
льдов.
Голубое безмолвие жжет глаза и никуда от него не спрятаться.
Я буквами осыплюсь с неба – словно кадры из фильма «Матрица».
Я возьму тебя за руку и поведу в долину теплых и нежных снов.

Представь, пожалуйста, на мгновение, что ты посреди вечно-
зеленой тайги.
Даже солнце не может пробиться сквозь плотную занавесу веток.
Я белкой спущусь в ладони к тебе и улыбнется, качая листвой
кедр-предок.
Сквозь деревьев тропинка мелькает – лишь для тебя – беги.

Рада Денис Соболев

Утро. Хмурое сентябрьское утро. Над дорожками парка висит плотный, как вата, белый зябкий туман. Стоящие вокруг пожелтевшие тополя и березы застыли в немом ожидании. Наверное, тоже замерзли за ночь. В воздухе витает запах увядания, мокрых листьев и сигаретного дыма. Сажу на скамейке, курю уже какую по счету за ночь сигарету. Настроение... да какое там настроение. Не спал, замерз и от запаха сигарет уже тошнит...

– Привет. Ты чего такой грустный?

Поднимаю глаза, смотрю хмуро и устало. Теплая улыбка, смеющиеся глаза и озорные ямочки на щеках. Лет двадцать? Или чуть больше? Или меньше? Сейчас возраст угадывать все сложнее. Не отвечаю ничего, выбрасываю окурок и устало откидываюсь на спинку скамейки. Спать хочется просто зверски. Да и нет у меня настроения разговаривать, даже с такими хорошенькими девчонками. Негромко шуршит ее легкое платье – присела рядом. И как ей не холодно? Вроде бы и тепло на улице, но этот туман...

А она продолжает как ни в чем не бывало:

– А я иду по парку, люблюсь красотой. Ведь правда же красиво? – она чуть касается моего рукава. Я поднимаю такие тяжелые веки и молча смотрю на нее. Раскраснелась, улыбается... такая... миленькая. Точно, это слово лучше всего ее описывает. Она, не смущаясь, тараторит все так же:

– Такой туман густой, почти ничего не видно! Только березы в нем свои ветки полощут, как бельё в реке...

Я слушаю ее голос, такой мелодичный и приятный. Хм. Березы полощут ветки в тумане... Поэтично.

– А тополя стоят такими великанами. Как будто братья старшие сестренки оберегают. Правда же похоже? – она вопросительно на меня смотрит, а я молчу. Но ее это как будто не смущает, она встает, тянет меня за руку:

– Пойдем гулять? Чего ты тут сидишь, нахохлился, как ворон.

И когда я поднялся, говорит:

– Я Рада.

Кивнул:

– И я рад. Только не знаю чему.

Она звонко рассмеялась, закинув голову, отчего ее волнистые русые волосы рассыпались по плечам настоящим водопадом:

– Да нет же, меня так зовут – Рада, – и улыбнулась, глядя мне прямо в глаза.

– Тогда я рад знакомству...

Она потянула меня снова... шаг... еще шаг... Мне было все равно, сидеть или идти.

Рада продолжила прерванный разговор:

– А потом смотрю – ты сидишь, грустный-грустный. А я не могу, когда люди грустят. Грустить плохо.

– А как ты узнала, что я именно грустный? не усталый, не злой, не пьяный наконец?

Рада улыбнулась широко, весело:

– Ну ты чего? По человеку сразу видно, когда он грустный. Вот бывают люди, которым немного взгрустнулось. Ну там, лето кончилось или еще что-то такое... легкое. И грустинка у человека легкая, светлая, как облачко. Налетела на миг, солнышко закрыв, и улетела. Такого человека легко развеселить можно. Сказал что-нибудь приятное, и уже улыбка, – она снова улыбнулась.

Мы шагали по неровным дорожкам, перешагивая трещины в асфальте и пробивающиеся тут и там сквозь дорожку травинки.

– А бывает такое, что у человека грусть тяжелая. Поругался с кем-то, обидел кто-то или несправедливость какая приключилась. И ходит такой человек насуспенный, глаза темные, холодные. Такого человека развеселить сложно. Он грустит еще и от того, что грустит.

Я поднял на Раду глаза, спросил заинтересованно:

– А у меня какая грусть?

Рада посмотрела на меня внимательно, и сказала не то, чего я ожидал:

– Но хуже всего, когда у человека грусть привычная. Она страшнее всего. Такой человек ходит так, будто у него на плечах груз неподъемный лежит. Смотрит под ноги, никого вокруг не видит. И не хочет видеть. И с грустью своей сроднился как с любимой старой курткой. Идет куда-то – обязательно наденет. Попробуешь отобрать – будет сражаться за нее. Он ее холит и лелеет, любит и оберегает. Жалеет себя и постепенно учится не любить других. Таких людей нужно срочно спасать!

Рада не заметила, как повысила голос, на нас стали оглядываться редкие прохожие. И то сказать, странная парочка. Хмурый мужик в теплой ветровке, с трехдневной щетиной и красными от недосыпа глазами, и свежая как весна молодая девчушка в легком цветастом платье и сандалиях. Я остановился, стянул ветровку, накинул ей на плечи:

– Замерзла поди, Рада?

Она зажмурилась благодарно, потерлась щекой о плечо, посмотрела вдоль аллеи:

– Смотри как красиво!

Посмотреть и правда было на что. Туман, наконец, разошелся, выглянуло солнце, и стоящие вдоль дорожек дубы будто вспыхнули в его свете желтым, оранжевым и красным!

Листья ковром накрыли траву, распространяя вокруг дурманящий запах. Рада шагнула на этот роскошный лиственный ковер, сняла сандалии и пошла, разгребая листву босыми ногами. Я шагнул следом, не знаю зачем.

Рада повернулась ко мне, зачерпнула охапку листьев и подбросила вверх, рассмеялась счастливо. Протянула обе руки ко мне:

– Идем! Идем, я тебе кое-что покажу!

Я шагнул послушно. Она ухватила меня за ладонь своими тонкими длинными пальцами, потянула уверенно куда-то вглубь парка. Я остановился:

– Погоди, сандалии...

Но Рада махнула рукой:

– Некогда! Пойдем скорее!

Хм. Ну пойдем. Хотя что за спешка?

Она подвела меня к огромному раскидистому дубу. Под его кроной можно было бы поставить пару десятков столиков, такой он был большой. Рада поманила меня пальцем. Подошел. Она взяла мои ладони, приложила их к узловатой коре:

– Слушай.

Я послушно стоял, думая про себя, что эта странная девчонка удивляет меня все больше. А она спросила вдруг, глядя на меня взволнованно:

– Слышишь?

Я отрицательно помотал головой. Рада огорченно вздохнула:

– Так я и думала... Погоди, иди за мной, – она решительно пошла вокруг дерева, пригибаясь перед особенно низкими ветвями. На другой стороне дуба я увидел большое дупло. Все повторилось.

– Слышишь?

– Да, вроде мыши пищат...

Рада рассмеялась. Она вообще любила смеяться, и у нее это получалось очень заразительно. Я невольно улыбнулся:

– Что?

– А ты в дупло загляни. Только не шуми, напугаешь.

Достав телефон, я посветил в дупло и увидел там... наверное, это была мышь. Я не очень разбираюсь во всей этой фауне. Она сидела на задних лапах и испуганно смотрела на меня бусинками глаз, смешно шевеля носом. Я повернулся к Раде:

– А что я должен был услышать?

Она задумчиво погладила кору могучего дерева:

– Этому дубу уже триста лет. Он старше этого города, он патриарх. Он видел все радости и печали этого города. И не засох, живет и радуется всех вокруг. Люди утратили связь с природой, с собой. И от этого такие грустные. Вот и ты не слышишь. Вот скажи мне – от чего ты сегодня такой грустный?

Я задумался.

– Дела не идут, с друзьями вчера поругался, не спал вот...

Она улыбнулась грустно:

– И из-за этого ты грустный? Честно-честно?

Я ответил:

– Пойдем, а то твои сандалии найдут себе другого хозяина.

Рада кивнула:

– Пойдем...

Солнышко меж тем уже светило вовсю, расцвечивая парк яркими осенними красками. На дорожке, возле того места, где Рада оставила сандалии, стояла маленькая девчушка лет пяти. Глазастая, курчавая, она посмотрела на нас долгим внимательным взглядом, и строго спросила:

– Тетя, это ваши сандалики?

Рада присела перед ней на корточки, спросила с улыбкой:

– Как тебя зовут, кукла? И где твоя мама?

Девочка насупилась:

– Я не кукла, я Мафа. И вообще, вопросом на вопрос отвечать не вежливо.

Я усмехнулся, а Рада рассмеялась заливисто, сказала:

– Да, Маша, это мои сандалики.

Голос маленькой Маши стал еще строже:

– А зачем же вы их тогда бросили? Ведь нельзя свои вещи разбрасывать.

Рада ответила серьезно:

– Ты права, нельзя конечно. Я больше не буду...

Из-за спины раздался женский голос:

– Доченька, вот ты где. А я тебя обыскала.

И обращаясь к нам:

– Спасибо большое, что приглядели.

Я ответил:

– Скорее Маша за нами приглядывала, – и подмигнул девчушке.

Рада меж тем принялась обуваться. Маша, заметив это, спросила:

– Тетя, а зачем вы босиком ходите? Так ведь можно заболеть...

Рада с улыбкой сказала:

– Это очень здорово – ходить босиком по траве и листьям. Хотите попробовать? – обратилась уже к маме маленькой чудесницы.

Та замялась, смутилась:

– Да ну как-то неудобно...

Маша подняла на маму глаза и просительно затянула:

– Ну мааааам, ну пажалста! Ну давай с тетей босиком походим!

И мама сдалась, благо тоже была в легких туфельках. Я стоял и смотрел, как Рада водит маму с дочкой по листве, и как их глаза начинают светиться настоящей, неподдельной радостью. А уж когда девчушка увидела мышку, восторгам ее не было предела. Расстались они с Радой уже подругами. Маша сказала на прощанье:

– Тетя Рада, я вам рада. приходите в гости. И дядю своего хмурого берите.

Рада и мама девочки переглянулись и прыснули, а я улыбнулся Маше – не такой уж я и хмурый...

Мы гуляли по парку до самого вечера. Перекусили в кафешке, покатались на аттракционах, ели мороженое и катались на катамаране. Я не думал о времени, о неидуших делах. Просто гулял. И мне было хорошо. Рада рассказывала мне о том, как просто быть счастливым. Как много вокруг поводов для радости. Маленькие и большие радости подстерегают нас везде. Главное от них не уворачиваться. Так она и сказала.

А потом Рада сказала:

– Мне пора.

Я спросил:

– Завтра встретимся?

Она улыбнулась:

– Ты совсем не грустный теперь. Ты сегодня весь день улыбался и много шутил. Ты устал?

– Нет, мне хорошо.

– То есть быть радостным не сложно?

– Конечно нет. Почему ты спрашиваешь?

Но она продолжала:

– А грустным? Грустным быть легко?

Я усмехнулся:

– Ты ведь знаешь ответ...

Она улыбнулась:

– Знаю. И ты знаешь. Зачем тогда грустишь?

Я не нашелся что ответить. Потом сказал все же:

– Потому что грустно. Бывает такое.

– Самое главное – не позволять себе грустить долго. Любая грусть со временем сушит душу, делает ее черствой. И люди перестают радоваться. А ведь быть счастливым просто.

Она кинула на меня взгляд из-под пушистых ресниц, развернулась и пошла в ночь.

– Рада! Мы встретимся?

– Я хочу видеть тебя веселым...

Я стоял и улыбался. Просто потому, что улыбаться – просто...

...Солнечные блики теплыми мягкими лапами гуляли по лицу, просвечивая сквозь неплотно прикрытые веки. Легкий теплый ветерок покачивал ветки рябины над моей головой. Рубиновые налитые грозди тяжело раскачивались на тонких ветвях, распространяя вокруг чуть горьковатый пряный запах. Хо-ро-шо. Утро выдалось замечательным, теплым и солнечным. Бабье лето в самом разгаре, ошалелые мошки носятся вокруг, спеша урвать последние дни жизни. Откуда-то из травы поднялась бабочка, невесть каким чудом дотянувшая до конца сентября. В этом году природа будто сошла с ума и передвинула все на пару недель вперед. Такими темпами на новый год без снега останемся...

Откуда-то из-за спины доносился детский смех, живо напоминая мне одну маленькую и очень серьезную девочку. Маша. Как заливисто она смеялась, бегая босиком по желтым дубовым листьям, уворачиваясь от ласковых маминых рук... Это было, а как будто бы не было.

И Рада. Юная девочка-весна в легком платье посреди промозглого сентябрьского утра. Она так и не сказала мне, как я грущу. А сам я не знал. Да и разбираться теперь не было никакого желания – я учился не уметь грустить. И сейчас мне было просто хорошо. От этого солнечного утра, от дурманящего запаха рябины и желтой листвы, от тонкого запаха дыма – где-то неподалеку дворники сгребали листья в большие кучи и поджигали их, стремясь облегчить себе работу...

С того чудного утра прошла пара недель. Я помирился с друзьями, уволился с опостылевшей работы и на неделю сбежал в Осташково. Там у одного моего хорошего друга есть просторный бревенчатый дом, добрая баня и прямой выход на Селигер. Я приехал к нему без предупреждения. Просто сел в машину и поехал. Обычно мы договаривались о таких визитах, друг часто летал по всей стране, и застать его на месте бывало сложно. Но в этот раз он оказался на месте. Увидев меня, не удивился даже – просто обнял, похлопал по плечам и повел в дом...

Обедали мы на небольшой веранде с видом на озеро. Первозданная тишина вокруг. Палыч поставил на стол парящую кашу в чугушке – в его доме была настоящая русская печь. И пользовался он ей мастерски. Быстро разложил кашу по тарелкам, напластал ароматного хлеба, выставил миску с плавающими в мутном рассоле хрусткими огурчиками...

– Как это ты ко мне так собрался? – спросил, глядя на меня с хитрецей.

– Да вот, – ответил я и неопределенно покрутил в воздухе ложкой, – развеяться надо. Сижу, как сыч, в городе...

Палыч кивнул согласно, и принялся за еду. Каша была чудо как хороша. Прожевав, он продолжил начатый разговор:

– Вот если бы ты меня предупредил заранее, я бы баню к твоему приезду истопил, рыбы наловил и ухи наварил бы. А так довольствуйся тем, что есть, – он хмыкнул.

– Ну баню истопить дело нехитрое, да и рыбы завтра вместе наловим. Ведь наловим, а? Я так на рыбалку хочу...

Он глянул на меня, сказал одобрительно:

– А ты как-то посветлел что ли... Был смурной вечно, на рыбалку не выманишь. А тут смотри-ка, сам приехал. Неужто влюбился? – продолжил он совершенно нелогично.

Я чуть не подавился от такого его предположения:

– Да ну тебя. Просто устал. От города. От суеты этой вечной. От хмурых лиц. От... да от себя самого устал.

Палыч хитро глянул исподлобья:

– Нееет, друг, темнишь. Чувствую в твоей душе какое-то томление.

Палыч часто выражался таким вот слогом, классическим и более присущим веку позапрошлого, серебряному, чем немало меня радовал. Всегда очень радостно послушать правильный красивый родной язык.

Я не стал ничего отвечать. Сделал вид, что целиком и полностью поглощен потрясающе вкусной едой...

Вечером мы сидели в бане, и я как на духу рассказал Палычу о своей неожиданной и такой непонятной встрече с Радой. Палыч, залпом выпив большую кружку ядреного кваса, выдохнул:

– Ну мил человек, это ты хватил конечно... Такая Рада в жизни раз всего встречается. А ты отпустил. Эх ты, тетеееря...

...Прав был Палыч, тетеря и есть. Сижу вот сейчас, солнышку радуюсь да смею детскому. На той самой скамейке сижу. Каждое утро. Уже неделю как. И в каждой девчонке ищу Радую.

Подумалось вдруг – а я ее ищу чтобы... что? Вот сейчас подойдет она ко мне, присядет рядом на скамейку и...

Сквозь детский смех я расслышал, как кто-то подошел к скамейке, легкими такими шагами. Встрепенулся, открыл глаза и... Передо мной стоял благообразный дед. Маленький, сухонький, в темном твидовом пиджачке и беретке. Такой, знаете, какие художники любят?

Он стоял, опираясь на богатую трость, и улыбался, глядя на меня поверх маленьких очков в тонкой изящной оправе. Трость выбивалась из всего его образа, так ладно скроенного.

– Вы позволите? – дед указал взглядом на скамейку. Голос у него был неожиданно глубокий. Какой-то несочетаемый сам с собой дед.

– Да, конечно, присаживайтесь, – я культурно сдвинулся, хотя места на скамейке было хоть отбавляй – я ведь один сидел.

Дед вынул из кармана неожиданно большой платок, расправил его на скамейке, сел. Видимо, заметив промелькнувшее в моем взгляде удивление, сказал:

– Хозяюшка моя, знаете ли, ворчит. Вечно, говорит, ходишь по паркам и скамейки штанами обтираешь, – он очень похоже изобразил какую-то женщину, и я невольно улыбнулся.

Забавный дед. И скамейка какая-то необычная. Толкает людей на немотивированное общение.

А дед тем временем снял очки и повернулся ко мне, чуть подслеповато щурясь:

– А вы верно ждете кого, молодой человек?

Ну вот, и этот с разговорами. Точно, непростая скамейка. Я кивнул – жду.

Говорить не хотелось. Слишком хороший день для разговоров с незнакомцами. Но деда не смутила моя неразговорчивость.

– Вы ведь не впервые здесь ждете? Я вас уже видел здесь...

– А я вас не видел, – немного грубо перебил я словоохотливого и любопытного дедушку.

Но тут же устыдился, сказал примирительно:

– Впрочем, я невежлив, извините.

Дед кивнул понимающе, улыбнулся:

– Да ничего, ничего...

И замолчал надолго. Я искоса наблюдал за ним. А он сидел, уставясь куда-то своими блеклыми глазами, скрестив руки на трости и положив на них подбородок. Беретка смешно съехала набок, но он этого как будто не замечал. Мимо прошла компания молодых девчат, и я заметил, как дед вглядывался в их лица.

Дед не ответил ничего, замолчал вновь. Легкий ветерок гонял по растрескавшемуся асфальту желтые дубовые и березовые листья. Оставшиеся на ветвях шумели под его невесомыми прикосновениями, гоняя по нашим лицам солнечные блики. Дед мечтательно улыбался, следя за игрой листьев и вслушиваясь в счастливый детский смех. Ребячья валялась в лиственных кучах, нагребая пахнущие осенью кусочки прошедшего лета на себя и с криком выпрыгивая вверх...

– Ты ведь ее ждешь? – дед повернулся и смотрел на меня испытующе, как-то резко перейдя на «ты».

Я смутился под этим пристальным взглядом, спросил:

– О ком вы?...

– О Раде, – он вновь мечтательно улыбнулся, – о девочке, похожей на весну. Ты ведь видел ее, правда?

Я потрясенно кивнул:

– А откуда вы?...

Он перебил меня. Точнее, он наверное не услышал меня:

– Когда-то, когда я был таким как ты, я встретился с ней. Здесь, на этой самой скамейке. Был 45-й, я пришел с войны. Я был молодым и... старым. Война сожгла во мне все. Так я тогда думал. Я глушил боль водкой и орал по ночам, я не мог смотреть на женщин. Мне все время казалось, что вот сейчас снова начнется стрельба и... В общем, я разучился улыбаться, – дед увлекся и говорил, говорил, словно спеша высказать накопившееся, выплеснуть...

– Вокруг царила радость – ну как же, такая победа, великая победа. А я не мог радоваться. Перегорело. И тогда появилась она. Подошла и спросила: «Почему ты такой грустный?».

Я молча слушал его рассказ, не веря в то, что это происходит на самом деле. Этого просто не могло быть. Это МОЯ Рада... Но дед говорил и говорил. О том, как они гуляли в парке, о дубе, которому скоро будет триста лет, о ее улыбке. А потом прервался вдруг на полуслове и снова посмотрел мне в глаза:

– Ты видел ее. Какая она? – он придвинулся чуть, жадно вслушиваясь в то, что я скажу. А я судорожно вспоминал, какая же она была?

– Улыбчивая. Теплые такие глаза и ямочки на щеках. Она была в легком платье, но не мерзла, – я путался в словах, пытаюсь описать ту, кого описать просто не получается.

Дед слушал сначала жадно, а потом сокрушенно кивнул:

– Да. Все так. Я тоже не смог вспомнить. Помню улыбку и ямочки, глаза помню и голос. Переливчатый такой, как колокольчики...

Он улыбнулся чуть грустно:

– Она научила меня улыбаться. Снова улыбаться, понимаешь?

– Понимаю. Она и меня научила...

Помолчали. Потом я набрался решимости и задал мучивший меня вопрос:

– А вы... вы ее только один раз видели?

Дед кивнул:

– Один. Но запомнил на всю жизнь...

– И вы... вы ее ждали всю жизнь?

Он отрицательно покачала головой:

– Не ждал. Искал. Но не нашел. Разминулся с ней. Я ведь был здесь в тот день, когда ты с ней встретился. Я уверен, что это был тот день...

Молчу, пытаюсь осмыслить его слова. Он видел ее всего раз и искал всю жизнь.

– Но зачем?...

Он понял невысказанный вопрос:

– За тем же, за чем и ты. Мне очень нужно ее еще раз увидеть. Я хочу знать, что все это правда, понимаешь? Что не зря все...

– Все правда.

Мы оба потрясенно замолчали и одновременно повернулись на такой знакомый голос колокольчиками. Рада. Она стояла перед нами, в том же легком платье, с теми же ямочками на щеках, и внимательно смотрела на обоих. В глазах ее плясали теплые искорки.

– Рада! – я вскочил со скамейки, замер, не решаясь подойти ближе, спугнуть. Я боялся, что она вот сейчас растает, как мираж. Дед смотрел на нее не отрываясь. Челюсть его прыгала, но он нашел в себе силы, улыбнулся широко и радостно:

– Я улыбаюсь, видишь? Ты ведь хотела видеть меня радостным. Я рад тебе...

Она взяла его за руку, потянула:

– Нам пора. Пойдем.

Он встал и послушно шагнул. Я шагнул следом:

– Рада! А я? Я так ждал тебя, я хотел встречи с тобой... я...

Она посмотрела на меня долгим взглядом, спросила с легкой улыбкой:

– Ты рад мне?

– Конечно! Конечно я рад. Я очень ждал тебя...

– Зачем?

– Ну... чтобы... ты мне нравишься очень! – выпалил и уставился в ее глаза, пытаюсь прочесть в них хоть что-то.

Рада покачала головой:

– И ты мне нравишься. Но нам рано еще встречаться. Рано. Когда-нибудь мы обязательно встретимся. А пока – радуйся. Я хочу видеть тебя радостным...

И они пошли. Дед шагал, опираясь на тросточку и о чем-то оживленно говоря, Рада держала его под руку и временами заливисто смеялась. Я смотрел им вслед и думал, что когда-нибудь мы встретимся. Обязательно. А пока... пока я буду жить и радоваться каждому дню...

Два часа Светлана Сапронова

Два часа. На окошке, у звёзд на виду,
Извращая сознанием сна неизбежность,
Я в глубинах небес утону, пропаду,
Покидая телесные рамки небрежно.

Благодатно. Душой прикоснусь к чудесам,
Их мне дарит пока снисходительно небо.
Не завидуй тому, что умеешь и сам,
Но сидишь приземленно и плачешься «мне бы...»

Два часа. До рассвета ещё далеко,
Раздвигает бессонница счастья границы.
Это утром мне будет опять нелегко,
Снова город, работа, привычные лица...

Обман Оксана Чернышова

Ты столько лет обманывал меня,
А я стирала это грязное бельё,
И надо было нам расстаться уж давно,
А я терпела и прощала тебе всё

Зачем ты жил на две семьи,
Кого хотел из нас ты обмануть,
Сейчас же свои вещи собери,
Разбилось моё сердце,
будто в градуснике ртуть

Тебя пьянила красота в другой,
Но временем проверено, что это ненадолго,
Ну что ж, ты сделал выбор свой,
И всё же ноет боль в груди осколком

Мне не простить твоей измены никогда,
Живи по правилам своей игры,
Тебе оставлю только память навсегда,
Как ты мне клялся о своей любви...

Под синим небом Роберт Утяганов

1 куплет:

Под синим небом, встретились мы,
Пересеклись, под синим небом, пути,
С первого взгляда, рассеял туман,
Вчера он еще, мои глаза застилал.
Под синим небом, наконец, я прозрел,
Когда красоту, твою в стихах я воспел,
Когда на рассвете, пригрел первый луч,
Путь, проложив, друг другу меж туч,
Путь, проложив нам между туч.
И бежал я к тебе – ты бежала навстречу,
Те минуты тянулись, будто бы вечность,
Под синим небом, в томлении том,
В наших сердцах, зарождалась любовь.
И мы сошлись, под синим небом,
Я тебя подхватил, на руки с ветром,
Мы закружились, в танце над миром,
И душа мне твоя, пропела: Любимый

Припев:

мы с тобою достанем, все звезды с небес,
Знай теперь друг для друга, мы одни на Земле,
Под синим небом, встретились мы,
Любовью своей, чтоб все звезды затмить.

2 куплет:

За руки, взявшись мы оставили память,
Небо увидело сердца наши в шрамах,
Наши тела, окатив летним дождем,
Поняли вдруг, что мы снова живем
под этим небом, И что в наших руках
за нами дорога осталась в цветах,
Мы не сжигали за собою мосты,
Из наших книг вырвав чистые листы,
Вырвав чистые листы.
Мы с тобой не сомкнули глаз до утра,
Про любовь нашу мы писали слова,
И мы смеялись над обидой и болью,
Мыслям своим мы тогда дали волю.
И мы взлетели в синие небо,
Сердце друг другу открыв свое слепо,
Мы закружились в танце над миром,
И душа мне твоя пропела: Любимый

Привет:

мы с тобою достанем все звезды с небес,
Знай теперь друг для друга мы одни на Земле,
Под синим небом встретились мы,
Любовью своей чтоб все звезды затмить.
И согревая друг друга в ночи,
Признаваться мы будем вечно в любви,
Ты лишь на миг, назад обернись,
Впереди на двоих одна у нас жизнь.

3 куплет:

Я благодарен Всевышний за утро,
Что нам приберег кисти Ты для этюда,
И что мы, когда кружились над миром,
Она о любви мне пропела: Любимый

Привет:

мы с тобою достанем все звезды с небес,
Знай теперь друг для друга мы одни на Земле,
Под синим небом встретились мы,
Любовью своей чтоб все звезды затмить.

И согревая друг друга в ночи,
Признаваться мы будем вечно в любви,
Ты лишь на миг назад обернись,
Впереди на двоих одна у нас жизнь.

Финал... И занавеса нет **Светлана Королева**

Финал... И занавеса нет. И нет условий,
Ошибка на ошибке – истины разрез,
А на дом задано – проверить горьким опытом теории,
Извлечь урок: кто по дрова, кто в лес.

Тот мальчик слишком вырос, слишком вынес
И даже выжил слишком из ума,
Душа его ступила нерешительно на клирос,
А сердце против тропарей. А сердце сожжено до тла.

Финал ли это? Есть ли продолжение?
И есть ли шанс: из омута в родник?
А разуму бумажки собирать в опровержение,
До сих – пока к наивному сиянию он не привык.

И занавес по швам. Условия ни к черту.
Да волком бы завывать, но чаща чёрная пуста,
Чернила в банке. Но никто не хочет предложить оферту.
А кляксы синие мешают заново и с чистого листа.

Лёха-рыбак Наталья Варская

Юрка и Рита заглянули вечером к приятелю Олегу, который недавно расстался со своей девушкой и находился в состоянии радости от свалившейся на него свободы и тоски по живой душе рядом. То есть находился он в полном раздрае. Выражался этот раздрай в неестественно приподнятом настроении с примесью нервозности.

– Ребята, у вас ведь скоро отпуск! А давайте на недельку махнем в Астраханскую область на Волгу, на рыбалку!

– Что это вдруг? Мы, вообще-то, в Таиланд собрались.

– Одно другому не мешает. В Тай вы все равно на 2 недели летите, вполне можете на недельку со мной на Волгу поехать.

Рита спросила: – А какие там отели, всё включено?

– Все выключено! На острове будем жить, в палатках.

– Ой, это страшно! Никогда в палатках не жила. А мыться где?

– В Волге! Ну разве вам не интересно резко всё поменять, окунуться с головой в природу, отдохнуть от цивилизации? Это же для всех нас что-то новое!

– Так мы же ничего не умеем. И ты в том числе.

– А я не с бухты-барухты предлагаю. Знакомый у меня есть, Лёха-рыбак. Он на этот остров по 2 раза в году уже 10 лет ездит. Специалист! Так вот он давно зовет меня присоединиться, и если кто из моих друзей захочет, будет рад. Только надо закупить всё по списку: палатки, спальники, удочки и прочий инвентарь. Поехали – не пожалеете! Лёха говорит, что это место необычное, там всякие чудеса с людьми происходят.

Это Риту заинтриговало, так как она увлекалась эзотерикой.

– А что, Юр, давай и правда махнём на недельку.

Юрка всегда шёл на поводу у своей невесты и, конечно же, спорить не стал.

Неделя прошла в подготовке и поездках по туристическим и рыболовным магазинам. Выдвинулись на джипе Олега втроём. Сам Лёха давно уже находился на месте и должен был их встречать на большой земле в прибрежном посёлке.

Дорога прошла без приключений, за рулем ехали попеременно, то Олег, то Юрка, поэтому 1500 км прошли почти не останавливаясь.

Выйдя из машины, Рита ощутила запах полыни и речной воды. С Лёхой договорились встретиться у местного магазинчика. Рита представляла себе этого рыбака мужиком лет 50, в высоких резиновых сапогах, в тельняшке и засаленной кепке. Из магазина вышел статный парень лет 35 в камуфляже. Олег бросился к нему: – Лёха, ну вот мы и прибыли. Это Юра и Рита. Всё купили строго по списку. Руководи!

Все вещи были погружены в большую лодку, машина оставлена в одном из дворов у Лёхиных знакомых, взревел мотор и минут через 30 лодка причалила к берегу небольшого островка, где стояла Лёхина палатка.

Олег с Юркой выглядели беспомощно и жалко. Если бы не Лёха, палатки они ставили бы до глубокой ночи и то неизвестно, увенчалось ли бы это успехом. Затем выяснилось, что даже костра горе-туристы развести не могли.

На другое утро вся компания отправилась на лодке ловить рыбу. Юрка и Олег не поймали ни одной, а Лёха наловил пару шук, сазана и в довершение – сома размером с четверть лодки. Юрка с Олегом даже не смогли ему толком помочь, беспорядочно металась по лодке, хватала не те предметы, бестолково суетились. Лёха на них покрикивал и говорил, что руки у них растут из одного извесного места.

Рита невольно любовалась складным, мужественным Лёхой, а его простецкое лицо казалось ей даже красивым.

Всю неделю Олег с Юркой носились по поручениям Лёхи то за водой, то за хворостом, то картошку чистить, то рыбу солить и очень напоминали армейских салаг. Лёха раздавал команды, как заправский старшина или прапор, был строг, суров и немногословен. Зато вечерами у костра за бутылкой водки он рассказывал разные рыбацкие байки, повествовал о своей службе в армии, пел под гитару шансон. Говорить он никому не давал, а вот слушать – это хоть до утра. Утром он просыпался первым и будил остальную публику ни свет- ни заря. По Юрке и Олегу было видно, что они ждут -не дождутся окончания этого вояжа, а вот Рита с удовольствием научилась чистить рыбу, варить уху и даже один раз поймала довольно крупного леща, за что Лёха её даже похвалил: – Молодец, баба! Учитесь, салаги!

К концу недели Рита поняла, что влюбилась в Лёху, как говорится, без задних ног. На бесполезного и бестолкового Юрку она смотреть уже не могла.

Так вот каков этот волшебный остров! За неделю вся жизнь с ног на голову! Ехать с Юркой в Таиланд уже совершенно не хотелось.

В Москву возвращались вчетвером, на двух машинах и Рита попросилась ехать с Лёхой, де, у его тачки ход более мягкий, чем у джипа. Всю дорогу Лёха сосредоточенно рулил, они почти не разговаривали, так как на полную громкость звучала то группа «Ленинград», то «Сектор Газа», то Розенбаум. Лёха высадил Риту у её подъезда и они обменялись номерами телефонов.

Да поездки в Таиланд оставалась ещё неделя. Юрка, не смотря на странное состояние Риты, от этого намерения не отказывался и вообще делал вид, что ничего не происходит.

Рита ждала звонка Лёхи, но на третий день не выдержала и позвонила ему сама. Они договорились встретиться в одном кафе.

Рита пришла на встречу раньше и с замиранием сердца ждала появления предмета своих грёз.

Лёха появился в непривычном для Риты облике: в костюме, рубашке и галстуке. Над галстуком возвышалось обветренное и загорелое лицо рыбака. В костюме Лёха смотрелся комично и был похож на охранника ночного клуба в каком-нибудь уездном городке. Чувствовалось, что в кафе Лёхе не уютно. Он нарочито демонстрировал уверенность в себе, перебарщивал, хамил официанту и смотрелся как слон в посудной лавке. Рите казалось, что все на них оборачиваются и недоумевают, что она делает в компании этого варвара.

Чувство внеземной любви покинуло Риту и улетучилось, как дымок сигареты, разлетелось, как одуванчик. Она удивлялась, как это её вообще угораздило.

Через несколько дней Рита уже летела с Юркой в Таиланд.

Мы открыли сезон качелей **Светлана Королева**

Мы открыли сезон качелей,
Но забыли сезон сердец,
Под звенящий гомон капли
Утро день ведёт под венец.

И дитя их – вечер капризный
Синью холода ночь зовет,
Чтоб в подарок – снами амнистий
Прекратить суеты ход.

И проглотит сырое небо
Вместе с памятью стон борьбы,
И возрадуется плацебо,
Избавляясь от чувства вины.

Мы открыли сезон качелей,
Но качели пусты. Увы.
И кусок февраля в апреле
Про запас оставляем мы.

Там, за горбатостью пять через два **Светлана Королева**

По утрам всем достаточно сладкого сна.
И как будто старение вехами вспять.
И счастливый график для каждого – два через пять.

Там, за тоской городских одиноко – скупающих ив
За чванливостью брендов поистине дорогих,
Доброта через край. И сердца – только парами. А в небесах
Можно бегать. И мыслями – только в стихах.

Там, за слезами ребёнка, упавшего не аккуратно в лужу,
За стаканом вина, продающего очередную душу,
Есть лишь только лучики смеха в самых тёплых глазах,
И забыт, и забит навсегда перед Богом скулящий страх.

Там... Там... Представляете, тоже своя суета.
А система своя. Хоть совершенно не та.
И находятся смельчаки. И ну давай воспевать:
Как бы эту систему прогнуть. И под себя сломать.

В библиотеках Светлана Королева

В библиотеках стопами его ума,
В прощальных взглядах привокзальных сцен,
Ему, как воздух, как перрон – встречающим, нужна – она,
Как кровь, струящаяся по изгибам вен.

В мозгу – засела. В сердце – прижилась,
В бокале – красным. Или белым. Совершенна и до края.
И если б пил бы он, она б – спилась,
И если б волком был – то на неё и как на образ лунный рая.

В руках – синицей билась и журавль в душе,
Под одеялом – чёрной кошкой – коготками по спине,
Ему отчаянно плевать на гвоздембитые клише,
А без неё – орать – орать – в безумствервущей тишине.

В библиотеках – книжной пылью, сладким запахом страниц
Она легла – к уму его припав,
Навеки ангелом, сложившим крылья ниц,
Навеки – с ним – титана с золотом наитвердейший сплав.

Разбудите, пожалуйста, ночью Сергей Чугуевский

Разбудите пожалуйста ночью,
не давая уснуть до утра,
разрывая сомнения в клочья,
пригвоздившие чувства вчера
и сминайте, сминайте, сминайте,
от смущения угол платочка,
свои красные щёки подайте,
мне бы чистого, мне бы глоточка...
что давно замутнённый потоком,
беспардонного броского ню,
стал не нужен для нас за пороком,
превратившим интим в толчею,
с площадною увесистой бранью,
даже там, где молчание – вес,
незаметно мы встали за гранью,
отделяющей нас от небес...
и уже не желаем вернуться,
в нежный мир из касаний и встреч,
как то просто вдруг стало проснуться,
с кем и близко не хочется лечь...
невозможно, постыло, обрыдло,
я не ваш беспокойный судья,
но достало раздетое быдло,
вдруг решившее выйти в князя,
без смущения ню оболочка,
стала лучше смущения щёк,
ну сминайте же угол платочка,
очищая из грязи поток...

Прошу прочти мои стихи Андрей Егоров

Прошу прочти мои стихи
Я написал их этой ночью
Я в них раскрыл свои мечты
Вдохнул в них жизнь, я знаю точно!

Прочти оценок не прошу
Прочти как можешь, как умеешь
В них строки о немой любви
О нежности сломавшей бесконечность

И сладкой памяти глоток
Ты в них найдешь, она безлика
Мое признанья между строк
Пером написанные тихо

Они безмолвствуя кричат!
Взывая о безумстве лих`о
Но есть слова которые молчат
Они... Основа ст`иха

Я от любви твоей продрог Николай Будаев

Я от любви твоей продрог,
Купаясь в ауре мещанства.
Где только денежный мешок
Решает степень постоянства.

Где всё заранее известно
И нет романтики простой.
Где даже шутка неуместна,
И прячет лик свой удалой.

И в этом царстве непонятном,
Я задыхаюсь с каждым днём.
Себя лишь радуя изрядно,
Рождённым заново стихом.

Положи в бардачок Оксана Чернышова

Положи в бардачок мне слова о любви,
Я их в пробке потом зачитаю
Не могу я пока тебе всё объяснить,
Я сама от себя убегаю

Я в дороге спешу в никуда, как всегда
Обгоняя всех слева и справа,
Просто на просто я боюсь потерять,
для себя свободу – отраву

И вопросов мне лишних не задавай
Почему светофор светит «красным»
Просто воздуха мне не хватает чуть чуть
Чтобы не было больно и страшно

Положи в бардачок мне слова о любви,
Я их в пробке потом зачитаю,
А сейчас меня крепко возьми обними,
Я немножко к тебе привыкаю..
2019 Оксана Чернышова

Грачи прилетели – гимн русской природе Наталья Швец

Картина «Грачи прилетели» Алексея Саврасова стала тихим гимном русской природе и весеннему настроению. Это полотно смело можно назвать самым весенним в русской живописи. Картину сразу купил Павел Третьяков и заплатил за нее 600 рублей. Ровно столько составлял годовой оклад Саврасова в училище художества и ваяния. К слову, Павлу Третьякову работа так понравилась, что он определил ей место у себя в кабинете. Она стала четвёртой картиной Саврасова в коллекции мецената.

«Грачи» запечатлели пейзаж костромского села Молвитино (ныне – городской посёлок Сусанино, центр Сусанинского района Костромской области). Место это известно с XVI века. Интересный факт – одно время оно принадлежало боярину Михалкову, предку современного клана Михалковых. Из этих мест был и Иван Сусанин, в 1939-м село Молвитино переименовали в его честь.

Картина «Грачи прилетели», является самым заметным этапом творчества Саврасова, который написал эту прекрасную работу в 1871 году. В этот год было создано общество передвижных выставок. Некоторое время картина под её нынешним названием, но с восклицательным знаком – «Грачи прилетели!» экспонировалась на выставке Общества любителей искусств в Москве. После выставлялась и в Санкт Петербурге, переезжала из одной выставки в другую, и только к 1873 году полотно вернулось к его владельцу Третьякову.

«Грачи прилетели» задумывалась как картина с лирическим настроением, в котором отражалась исконно русская природа, изображённая на фоне небольшой церквушки и привычных сельских домиков. На улице полным ходом весна. Тает на лугах мартовский снег, худенькие извилистые берёзки густо населены только что прилетевшими грачами. Они облепили ветки берёз, вернувшись в свои старые гнезда, которые покинули осенью. Именно грачи заставляют картину звучать.

Художник использовал много серой и тёмной краски в картине, желая подчеркнуть заурядность пейзажа. Стоит посмотреть внимательнее и можно увидеть признаки весны – огромную проталину с водой с правой стороны, луч солнца, освещающий картину откуда-то извне. А еще Саврасову удалось невозможное – он сумел изобразить весенний воздух. В этом Алексей Кондратьевич считался большим мастером. В его картинах всегда чувствовался воздух, который придавал полотнам чувство, дыхание, наполненность.

Покой мужа стал ей дорожке

Годом ранее Алексей Кондратьевич из поездки на Волгу привёз серию замечательных полотен. Его «Волга под Юрьевцем», например, получила первую премию на конкурсе Московского общества любителей художеств. В начале 1870-х на фоне разгоревшегося конфликта с Училищем живописи (из-за якобы недостаточного количества учеников) Саврасова лишили казённой квартиры и он в разгар учебного года отправился с семьёй на Волгу. Они побывали в Ярославле, под Костромой, в Нижнем Новгороде, Юрьевце. Этюдов, сделанных во время путешествия, художнику хватило на следующие 5 лет работы.

В Ярославле сняли большую квартиру. Приподнятое состояние духа, в котором находился художник (об этом он писал Герцу и Третьякову), было внезапно нарушено трагическими событиями: в феврале умерла новорождённая дочка, уже третий умерший ребёнок Саврасовых. Тяжело заболела жена.

О глубине горестных переживаний живописца свидетельствуют исполненные им в это время на ярославском кладбище изображения могилы дочери. Жена Софья Карловна Герц отправляет супруга под Кострому. Женщина считает, что Алексею просто необходимо пере-

ключиться, заняться любимым делом. Если вдуматься, с её стороны это был подвиг. Ведь женщина недавно пережила роды и её не меньше, если не больше, потрясла смерть ребёнка. Софья не вставала с постели и вполне была вправе попросить мужа быть рядом. Но покой мужа оказался для неё дороже. Как знать, если бы не этот поступок, возможно «Грачи» никогда бы не обогатили наше искусство...

Ранней весной 1871 года под влиянием помогающего преодолеть страдания «врачующего простора», красоты вечно обновляющейся, воскресающей природы, под кистью Саврасова появляются подготовительные работы к картине «Грачи прилетели». По возвращении в Москву уже в мастерской художник вносит новые подробности и дорабатывает композицию.

Вот прилетели грачи

О работе Саврасова в Молвитине известно очень мало. Первый биограф художника – музыкальный критик Александр Размадзе, публиковавшийся под псевдонимом Алексей Солмонов, – в своём очерке, опубликованном в 1894 году, так описывал работу Саврасова: «Начав картину ранним утром, художник кончил её к вечеру, писал он её не отрываясь, как бы в экстазе... писал, поражённый с утра ярким впечатлением весны, вчера словно ещё не наступившей, сегодня же спустившейся на землю и охватившей своими оживляющими объятиями всю природу».

По словам искусствоведа Фаины Мальцевой, это описание может быть отнесено к работе над предварительными этюдами, но никак не над самим полотном, которое было написано позже. Она отмечала, что «неизученность биографии художника породила противоречивость, почти легендарность сведений, касающихся создания знаменитой картины».

После написания этюдов Саврасов работал над картиной в Ярославле, а затем дорабатывал композицию в Москве, куда он возвратился вместе с семьёй в начале мая. Название полотна к тому времени художник немного изменил на «Вот прилетели грачи».

Главное – чувствуйте

Рисовать Саврасов начал в детстве. Сам научился работать кистью. Его картинки вроде «Извержения Везувия» по 6 рублей за дюжину стал покупать для перепродажи сосед. Отец, небогатый купец из Замоскворечья, согласился отдать сына в училище живописи. Правда, почти сразу пришлось уйти. Заболела мать. А там оказалось, что и денег на учёбу не достаёт. Однако нашёлся добрый и просвещённый человек – городской полицмейстер, генерал, член Московского художественного общества Иван Лужин, тяготевший к «изящным искусствам», лично знававший Пушкина. Он узнал о проблемах юного таланта и стал оплачивать его учёбу. Не зрелый талант быстро окреп, картины Алексея стали пользоваться успехом. Одну даже купила президент Академии художеств, великая княгиня Мария Николаевна.

Своих учеников он наставлял писать на природе: «Природа вечно дышит. Всегда поёт, и песнь её торжественна. Земля ведь рай – и жизнь тайна, прекрасная тайна». «Ступайте писать – ведь весна, уж лужи, воробьи чирикают – хорошо. Ступайте писать, пишите этюды, изучайте, главное – чувствуйте». Так наставлял художник своих учеников и отправлял на пленэры в Сокольники.

Период «пьяного Саврасова»

Надо сказать, что сам Саврасов был чрезвычайно не практичным и в деньгах нуждался всегда. Период успеха не использовал, денег толком не заработал. Ещё перед поездкой на Волгу его с семьёй попросили освободить служебную квартиру при училище. С тех пор они кочевали по съёмным. Пейзажи в те времена считались чем-то вроде второстепенного жанра и покупатели ценили их дешевле. При этом у самого Саврасова имелось странное убеждение, что художник и не должен быть богат. Скитания по квартирам, критика картин, смерть детей, упреки

жены... Наверное, он мог бы сработать заказной портрет, ещё что-то прибыльное – но хотел писать своё.

У него начало портиться зрение... Ко всему прочему Алексей Кондратьевич начал пить, а потом и вовсе спиваться. Не выдержав такой жизни от него уходит жена, потом его выгоняют из училища, в котором он преподавал 25 лет. Официальный повод – мало учеников. Но учеников всегда бывало то много, то мало. Зато какие у Саврасова были ученики: Коровин, Левитан... Они, всегда любившие учителя, прощали ему всё. И понимали, что причина неудач в ином. Умер задушевный друг, великий художник Василий Перов, некому стало Саврасова защищать.

И всё же... Сколько можно держать в штате запойного, на глазах опускающегося человека... За злоупотребление спиртным и прогулы художника и уволили из училища. В отношении его работ 1880-х – 1890-х годов искусствоведы и коллекционеры даже стали употреблять термин «пьяный Саврасов». Справедливости ради следует заметить, после слома им было написано несколько отличных полотен. Осталась прелестная графика... Но в общем-то ему проще было быстренько, «на автопилоте», сляпать, например, повторение «Грачей» и загнать их кому-нибудь на улице за бутылку.

Нищета

Теперь художник наспех делал рисунки, которые на Сухаревском рынке расходились по 2;3 рубля. «Совсем старик спился... Жаль беднягу, – писал Владимир Гиляровский. – Оденешь его – опять пропьёт всё. Квартиру предлагал я ему нанять – а он своё: «Никаких!» – рассердится и уйдёт. В прошлом году с какой-то пьяной компанией на «Балканах» сдружился. Я его разыскивал, так и не нашёл... Иногда заходит оборванный, пьяный или с похмелья. Но всегда милый, ласковый, стесняющийся. Опохмелю его, иногда позадержу у себя дня на два, приодену – напишет что-нибудь. Попрошу повторить «Грачи прилетели» или «Радугу». А потом всё-таки сбежит. Ему предлагаешь остаться, а он своё: «Никаких!»... Видел я Саврасова ещё раз, Великим постом, когда он ехал по Мясницкой с Лубянской площади, совершенно пьяный, вместе со своим другом Кузьмичом, который крепко его держал, чтобы он не вывалился из саней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.